

Лингвокультурологический аспект изучения русской фразеологии в вузе

Статья посвящена особенностям изучения фразеологического состава языка в русле лингвокультурологии. Основными положениями такого изучения является представление о макрокомпонентной структуре значения фразеологизма, источниках формирования идиом и их культурно-национальной интерпретации. Теоретические сведения проиллюстрированы конкретными примерами и видами практических заданий.

Современное состояние лингвистики как науки ясно показывает, что изучение свойств языковых единиц, их функционирования должно осуществляться в рамках антропологического подхода, предполагающего исследование как языка в человеке, так и человека в языке. К сожалению, в практике преподавания русского языка в высшей школе такой подход применяется лишь фрагментарно, либо не применяется вообще. За рамками вузовской программы остаются такие важные проблемы, как специфика отображения во фразеологизмах картины мира посредством метафоризации, условие и развитие эмотивной оценки у этих языковых единиц, которая напрямую связана с их образным основанием.

В последние годы наблюдается необычайное многообразие подходов в изучении фразеологизмов, которое наметилось благодаря научным исследованиям В.М.Мокиенко, В.Н.Телия и ее школы, А.С.Аксамитова, В.А.Масловой и других ученых. Активно развиваются так называемые "стыковые" науки, синтезирующие данные нескольких смежных наук. Перспективной является возникшая в конце прошлого столетия лингвокультурология, которая обладает богатым потенциалом в плане многоаспектного изучения языка, в том числе способна решить проблему реконструкции особенностей национального менталитета, закодированных в языке. В данной статье мы предпримем попытку показать возможные пути изучения в вузе фразеологического поля языка, акцентируя внимание на лингвокультурологическом аспекте.

Фразеологию как объект нашего исследования мы выбрали не случайно, поскольку фразеологические единицы языка – это совершенно особое, уникальное явление. Являясь по своей сути микротекстами, фразеологизмы содержат в "свернутом" виде бесценную информацию о национальной картине мира народа – носителя языка. Эти языковые знаки отображают реальную действительность как предмет-

но, так и непредметно, опосредованно. По мнению В.В.Виноградова, они, как и слова, обладают целостной номинативной функцией и представляют собой языковые единицы, которые также способны выполнять знаковую функцию [1, с. 15]. Однако в отличие от слов идиомы обладают определенной спецификой, выражающейся в том, что они способны не только отображать внеязыковую действительность, но и интерпретировать мир с позиций субъекта. Данное принципиальное отличие заложено как в особенностях процесса идиообразования, так и в структуре значения этих языковых единиц.

Формирование идиом связано с особым типом вторичной номинации, который на данном этапе развития лингвистической семантики остается недостаточно изученным.

Лингвистические механизмы, обеспечивающие возможность образования идиом в акте вторичной номинации, разнообразны. Наиболее изученным из них является метафоризация. Здесь основным является положение о сходстве образываемого концепта с уже существующим в языковой системе вербализованным понятием, основой которого является принцип фиктивности – "как если бы X был подобен Y по признакам а, в, с". При этом сложном процессе рассматривается не сходство между двумя языковыми значениями, а закрепление за новой вербализуемой ситуацией некоторой языковой единицы, существующей или существовавшей в языке в период появления новой фразеологической единицы. При этом исходное сочетание слов представляет собой некоторый вербализованный "компонент" описываемой ситуации. Трудно не согласиться с мнением В.Н.Телия, которая считает, что при изучении идиоматической природы фразообразования необходимо рассматривать ситуацию реальной действительности, ее гносеологическое отображение языковым сознанием некоторой языковой общности, включающее в себя ее идеальное отображение, абстрагированное от частных, схематизацию, выделение сущностных параметров, которые затем ложатся в основу образования нового смысла, отображаемого в значении идиом [2, с. 48].

Подтверждением этого положения служит рассмотрение образования идиом в процессе концептуализации и вербализации некоторого фрагмента действительности. Например, идиома *привоздить к позорному столбу* – "клеить позором кого-либо" – возникла от обычая наказывать преступника, привязывая его к столбу обычно на центральной площади для всеобщего обозрения. При осмыслении этой реальной ситуации в языковом сознании сложилась некоторая

абстрактная схема ситуации: социум X осуществляет наказание некоторого индивида Y, "прикрепляя" его к столбу на всеобщее обозрение, для того чтобы опозорить Y, заставить его морально и физически страдать. Таким образом, мотивом для создания идиомы является "вербализованный" компонент прототипной, по Филлмору, ситуации [3, с. 10] "пригвоздить к позорному столбу", за которым закрепляется содержание "клеймить позором кого-либо".

Уникальную структурно-семантическую и коммуникативную многоплановость значения фразеологизма уместно рассматривать в виде функционально-параметрической модели значения идиом.

Подобная форма описания семантики ориентирована на человеческий фактор, а потому может служить инструментом антропологической парадигмы значения, ставящей в центр описания человека и его языковую компетенцию. Семантическая структура идиом представлена в этой модели следующими макрокомпонентами: 1) категориально-грамматическим; 2) денотативным; 3) оценочным; 4) мотивационным; 5) эмотивным; 6) стилистическим.

Категориально-грамматический компонент значения фразеологизма предполагает отнесенность данного языкового знака к тому или иному грамматическому классу слов (имен, глаголов, наречий, служебных слов и др.). Идентификация фразеологизма с тем или иным грамматическим классом осуществляется в условиях контекста при определении собственно значения и синтаксической функции, например: *дать на лапу, вола вертеть, лапшу на уши вешать, бросать тень* – глагольные ФЕ; *синий чулок, балалайка бесструнная, без царя в голове* – субстантивные; *рукой подать, кот заплакал, куда Макар телят не гонял* – адвербиальные и т.д.

Денотативный макрокомпонент включает в себя ту информацию, которая отображает внеязыковую действительность, ее типовое представление, т.е. вбирает в себя те существенные признаки, которые задают объем понятия, выражаемого данным знаком. На сходстве денотативного макрокомпонента построена идеографическая классификация фразеологизмов. Можно выделить, например, такие группы (фрагменты действительности), как **внешние качества человека** (*кровь с молоком, косая сажень в плечах, краше в гроб кладут*), **внутренние качества человека** (*золотые руки, семи пядей во лбу, без царя в голове*), **поведение человека** (*лезть в бутылку, ползать на коленях, есть поедом*), **мера и степень** (*не покладая рук, только пятки сверкают, как снег на голову*), **пространство и время** (*когда рак на горе свистнет, рукой подать, в мновение ока*)

и др. Таким образом, макрокомпонент значения, несущий тот блок информации, осознание которой связано с категоризацией действительности на основе типового представления об обозначаемом, может быть охарактеризован как денотативный аспект значения языкового знака.

Все остальные блоки значения можно назвать прагматически ориентированными или коннотативными.

Большинство идиом, способных выполнять экспрессивную функцию языка, содержат оценочный макрокомпонент значения.

Это связано с тем, что категория ценности является одной из важнейших категорий для существования как отдельного индивида, так и общества в целом. Большинство фразеологических единиц, как и лексических, фиксируют отклонение от норм, подвергающееся негативной квалификации, так как отрицательный опыт членится более дробно, чем положительный. Отрицательной оценке подвергаются, например, любые проявления "незаконного" поведения, такие, как подкуп – идиомы *замазать рот*, *дать барашка в бумажке*; воровство – *залезть в карман к кому-л.*; обман, введение в заблуждение человека – *пускать пыль в глаза*, униженное, угодливое поведение – *смотреть в рот*. Положительно оценивается носителями русского языка оказание содействия, помощи "ближнему", что закреплено в идиомах *ставить на ноги*, *вытаскивать из ямы*; обретение самостоятельности – *становиться на крыло*, *расправлять плечи*; вербальное поведение, которое характеризуется сдержанностью – *держат язык за зубами*, *придерживать язык*; искренностью – *говорить положу руку на сердце*, *душу раскрыть*.

Мотивационный макрокомпонент, напрямую связанный с внутренней формой языкового знака, выполняет в семантической структуре идиом роль соединительного звена между информацией, описывающей "фрагмент" действительности и ориентированной на определенную систему ценностей, и информацией культурно-национальной, выступающей в сознании носителей языка в виде образа, соотносящегося с абстрактным стереотипом, несущим в себе эмоциональную оценку. Картина мира отображена в тропеических основаниях фразеологизмов, образованных на основе тех выделенных в мировидении народа стереотипных для его жизни ситуаций, которые послужили основой для фразеологизмов. Как видим, образное содержание фразеологизмов служит основным показателем культурно-национальной специфики той или иной языковой картины мира.

Так, например, при анализе мотивационного макрокомпонента семантики идиом, обозначающих вербальное нанесение морального вреда адресату, можно увидеть в их составе устойчиво повторяющуюся лексему "грязь". Думается, что эта лексема выполняет функцию символа, т.е. награждается устойчиво ассоциируемым с ней смыслом: грязь – символ моральной нечистоты. Поэтому человек, оказавшись жертвой клеветы, оскорбления, унижения, несправедливого обвинения, становится в представлении русских как бы запачканным (*втаптывать в грязь, обливать грязью, мешать с грязью*). В языковом сознании носителей русского языка символом моральной нечистоты являются также помои (*выливать помои*) и деготь (*мазать дегтем* – результат расширения семантики конкретного обычая – дегтем мазали ворота дома, где жила девушка, потерявшая честь). Таким образом, слова или словосочетания, получившие символическое прочтение, становятся источником культурно-национальной интерпретации фразеологизмов. Уместно заметить, что анализ внутренней формы, вернее, степени ее стертости во фразеологизме, является одним из важнейших критериев традиционной классификации ФЕ по степени спаянности компонентов.

Наличие в семантике идиом чувства-отношения к действительности позволяет говорить о том, что мотивационный макрокомпонент "вызывает к жизни" эмотивный. Эмотивность – это языковая категория, подразумевающая лишь те эмоциональные явления, которые связаны с выражением эмоционально-оценочного отношения, направлены на создание у собеседника эмоционального резонанса. В подавляющем большинстве идиомы являются эмотивно-маркированными языковыми единицами с богатым коннотативным значением. Большинство идиом представляют собой множество единиц с модусом эмоциональной оценки типа "одобрения/неодобрения" в коннотации, причем по преимуществу эмотивность лежит в отрицательном спектре шкалы, который может члениться более подробно: презрение, порицание, пренебрежение, осуждение.

Приведем более развернутый анализ идиомы *поджать хвост*. Денотативный компонент указывает на то, что X, спасовав перед чем-либо, утрачивает самоуверенность, ведет себя трусливо, что, с точки зрения автора речи, "плохо" (рациональная оценка), так как X нарушает морально-этические нормы, принятые в данном обществе, предписывающие наличие смелости, уверенности в себе, а также плохо еще и потому, что X ведет себя "как если бы он поджал хвост", и это ассоциируется у автора речи с образом собаки, трусливо

поджимающей хвост при какой-либо угрозе. Это вызывает у него чувство пренебрежения при описании поведения X, которое он стремится передать реципиенту (эмотивная оценка).

Как показывают примеры, в идиомах эмотивная модальность занимает вершинную позицию, приспособлявая идиому к выражению эмоционально-оценочного отношения говорящего. Эмотивность выступает в идиомах как итоговый макрокомпонент значения, завершающий весь параметрический комплекс.

К стилистической маркированности относится тот блок значения, который составляет информацию об уместности/неуместности условий употребления данного словозначения в тех или иных социально значимых условиях. Мы разделяем точку зрения В.Н.Телия о том, что причиной стилистической дифференциации является предварительное знание говорящего об уместности/неуместности выбора данного языкового знака (в нашем случае идиомы) в определенных социально маркированных условиях речи. Следовательно, классификации должны подлежать именно эти речевые ситуации. Можно выделить нейтральную речевую ситуацию, или речевой стандарт (*вставлять палки в колеса, втаптывать в грязь, мутить воду*), неформальную ситуацию (*валяться без задних ног, вешать лапшу на уши, ездить верхом*), фамильярную (*драть глотку, заливать баки, качать права*), грубо-фамильярную (*моча в голову ударила, нажраться до поросячьего визга, класть с прибором*), традиционную стилистическую помету книжное (*витать в облаках, продать за тридцать сребреников, леть дифирамбы*).

Как видим, макрокомпонентная модель семантики идиом, обозначающих поведение, способна охватить все типы информации, содержащиеся в значении данных языковых единиц, в том числе имплицитно или эксплицитно представленную информацию с культурно-национальной окраской.

Анализ фразеологического состава языка в лингвокультурологическом аспекте предполагает оперирование источниками формирования культурно-национально окрашенных идиом. Принято выделять следующие источники: 1) ритуальные формы народной культуры, отраженные в идиомах: *вешать собак, заговаривать зубы, бросать слова на ветер*; 2) паремиологический фонд, поскольку пословицы и есть по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками формировавшейся обыденной культуры: *заварить кашу (сам кашу заварил, сам ее и расхлебывай), выносить сор из избы (из избы сор не выноси, а в уголок копи), чужими руками жар загребать*

(*чужими руками жар загребать легко*; 3) система образов-эталонов, запечатленных в устойчивых сравнениях типа *упрямый как осел, как банный лист пристал, как язык проглотил, как ветром сдуло, как волк на привязи, как из-под земли вырос*. Подобные эталонные сравнения могут быть основаны на сопоставлении с животными, растениями, вещами, явлениями природы и т.п. Важность этих явлений культуры связана с тем, что эталоны возникают в результате соизмерения человеком своих свойств с "нечеловеческими" свойствами, ностели которых становятся эталонами свойств самого человека; 4) слова-символы или слова, получившие символическое прочтение. Например, душа (символ жизни: *тянуть душу, травить душу, рвать душу*); 5) христианство с его теософией, нравственными установками и ритуалами; 6) интеллектуальное достояние нации и человечества в целом: философия мироздания, ее осмысление истории, литература и т.д. Например, *галопом по европам, золотая середина, остаться у разбитого корыта*). Однако следует отметить невысокую продуктивность этих явлений культуры при создании и функционировании культурно-национально окрашенных фразеологизмов, поскольку истоки устойчивых выражений следует все же искать в народном творчестве, в религиозных установках, в том числе в языческих; 7) сведения о реалиях, которые служат предметом описания в страноведчески ориентированных словарях. Это слова типа *баня (задать баню), лапоть, щи (лаптем щи хлебать), лыко (ставить всякое лыко в строку), решето (воду в решете носить), береста (вертеться как береста на огне)* и др.

Упомянутые выше источники являются внешними по отношению к языку семиотическими кодами культуры. Существует внутриязыковой ресурс культурной интерпретации фразеологизмов – это само образное содержание, которое может служить подсказкой для культурно-национальной интерпретации, если оно отображает характерные черты мировидения.

Полученные теоретические знания уместно проверить на практике, предлагая студентам задания, ориентированные на лингвокультурологический анализ фразеологизмов. Например, можно предложить следующее: 1) назовите фразеологизмы, в основу образования которых положены следующие пословицы и поговорки: *не в свои сани не садись, близок локоть, а не укусишь, без дела жить – только небо коптить, пустив козла в огород, яблонь страхом не огородишь, свой ум царь в голове, на сердитых воду возят, с одного вола две шкуры не дерут, на одном месте и камень мохом обрастает,*

*утопающий хватается за соломинку, хлопот полон рот, а перекусить нечего, тляп-ляп да и корабль, убить бобра – не видать добра, старого воробья на мякине не проведешь, не всякое лыко в строку, счастье – палка о двух концах, отольются волку овечьи слезы, от чужих ворот живет и поворот, против рожна не попрешь, как с гуся вода небывалые слова; 2) определите, символом чего являются слова-компоненты в следующих фразеологизмах: душа – *тянуть душу, травить душу, рвать душу*, грязь – *втаптывать в грязь, мешать с грязью, обливать грязью*; земля – *срывать с землю, стереть с лица земли*. Попробуйте найти еще несколько символов, иллюстрируя их соответствующими группами фразеологизмов; 3) проанализируйте фразеологизмы, представляющие собой цитации религиозных и других текстов (установите, каких именно и как соотносится содержание текста со значением фразеологизма). Дополните самостоятельно подобранными примерами: *продать за тридцать сребреников, зарывать талант в землю, камня на камне не оставить, петь Лазаря, манна небесная, мыть руки, волк в овечьей шкуре, продать за чечевичную похлебку, чудин поцелуй, камень преткновения, земля обетованная, галопом по европам, золотая середина, остаться у разбитого корыта, сражаться с ветряными мельницами, плясать под дудку, как собака на сене, быть между молотом и наковальней, кисейная барышня, подковать блоху, рыльце в пуху, буря в стакане воды*.*

Таким образом, изучение фразеологии в лингвокультурологическом аспекте не только позволяет получить знания, предусмотренные программой, но и значительно расширить представление студентов о материальной, духовной и социальной сферах, отображенных в национальном языке.

Литература

1. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии // Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избр. тр. – М.: Наука, 1977. – С. 67–84.
2. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты – М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. – 288 с.
3. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Радуга, 1983. – Вып. XII. – С. 74–122.